

[Пусть налетевший ветер будет стеной.]

Поездка домой прошла как в тумане, в полной тишине, без малейших попыток завязать разговор. Всю дорогу я смотрела в окно, даже не видя проплывающего мимо города. Я была слишком зла.

Через пять минут после ухода я снова начала кипеть. Я ничего не могла, кроме как думать обо всём этом, и тем больше становилась тьма, которую я почувствовала в офисе, вьющаяся внутри меня, подобно шипящей змее.

София была Теневым Сталкером. Я все еще пыталась осмыслить это. София была Теневым Сталкером. Моя личная немезида, одна из трех девушек, которые последние два года, мучили меня ради какого-то больного, извращенного развлечения, оказалась признанным правительством героем. Самая большая сука по эту сторону побережья, девушка, которая, идеально вписалась бы во все банды E88, если бы родилась белой девушкой, оказалась гребаным героем.

И она хотела убить меня. Она принесла арбалет в мой дом, и если бы не Драконьи Зубы, которые я разбросала по двору, она бы убила меня. И она была героем.

Мне хотелось закричать, ударить по чему-нибудь, вытащить Медею и что-нибудь взорвать. Как? Как София могла быть Теневым Сталкером? Как она могла быть героем? Как могла психованная сука, которая заперла меня в моем собственном шкафчике с кучей мерзкого дерьма, которая провела последние два гребаных года, превращая каждый день моей жизни в сущий ад, быть героем?

Это несправедливо. Где карма, где справедливость, где все те хорошие и чудесные вещи, которые должны были случиться в конце концов, как утверждалось во всех книгах и мультфильмах?

Меня вырвало из своих мыслей, когда машина затормозила на нашей подъездной дорожке, но привычность дома ничуть не помогла.

Когда папа повернул ключ и старый потрепанный пикап вырубил, мы просто сидели там. Долгое время никто из нас ничего не говорил, и папа не потянулся к двери и не посмотрел в мою сторону. Когда я взглянула на него, он смотрел прямо перед собой на дом, нахмутив брови и плотно сжав губы. Я проглотила немного кислоты, которая ждала своего часа у меня на языке.

- Почему ты мне не сказала? - спросил он наконец.

Мой мозг на мгновение запнулся, и всё, что я, возможно, была готова сказать, выскользнуло у меня из пальцев, как песок.

- Сказать тебе?

- Насчет издевательств, Тейлор! - рявкнул папа. Он нахмурился и закрыл глаза, а когда продолжил, его голос был несколько спокойнее, хотя все еще сердитым. - Почему ты не сказала мне, что издевательства никогда не прекращались?

Чернота, свернувшаяся у меня в животе, скручивалась все туже, подпитываемая двумя годами разочарования, гнева и ненависти, моя голова начала расплываться и горячиться. Слова, едкие

и саркастичные, вырвались прежде, чем я смогла их остановить.

- И что бы ты сделала, если бы сказала?

Потому что это именно то, что в первую очередь помешало мне рассказать ему.

Потому что я уже знала, как бы всё прошло.

- Я бы пошел к директору! - громко сказал папа. - Я бы высказал ей всё, что думаю, потому что она обещала...

- И что бы это дало? - потребовала я. - И что бы это решило? Ты думаешь, Блэквелл было бы не наплевать? Она дала пустые обещания после Шкафчика, дать ещё больше пустых слов ничего ни стоит!

И даже если бы это сработало, что тогда? Всё было бы, как я сказала учителю Гладли: даже если я пожалуюсь, даже если мне удастся добиться их отстранения от уроков, всё, чего я добьюсь - это дам им время спланировать план мести. Это ничего бы не решило.

- Тогда пошёл бы в полицию! - папа настаивал. - Или подали бы в суд! Тейлор, я бы не позволил подобным поступкам сойти с рук!

- Нет, не подали бы! - крикнула я. - У нас нет денег, чтобы подать в суд после случая со шкафчиком! Вот почему нам пришлось подписать то соглашение в первую очередь!

На самом деле я не винил его за это, но я знала, что он винит себя, поэтому всё равно сказала это.

- Мы могли бы пойти...

Он оборвал себя. Я рассмеялась, резко, жестоко и безрадостно.

- Алан Барнс, верно? За исключением того, что его драгоценная маленькая девочка - одна из тех, кто запер меня в том шкафчике. Могу только представить, как бы это прозвучало: "Извини, Дэнни, я пытался, но у тебя просто недостаточно аргументов". Эмма использовала бы это в качестве материала еще до того, как он закончит извиняться!

- А что насчет Эммы? - Папа сменил направление. - Почему ты не сказала мне, что она одна из тех, кто приставал к тебе?

- Потому что это бы не помогло! Потому что ты ничего не смог бы с этим поделать!

- Я бы поговорила с Аланом! Попробовал...

- Попытался и потерпел бы неудачу! - выдавила я. - Ты бы столкнулся с ним лицом к лицу, накричал на него, завопил на него, когда он, черт возьми, солгал тебе в лицо, а потом он бы так быстро выписал судебный запрет, что мы бы продали дом, просто чтобы сохранить минимальную дистанцию!

Я хотела остановиться, но я была в ударе, и все разочарование и бессилие последних двух лет выплеснулись наружу.

- Это всё, что ты делал с тех пор, как умерла мама! - сказала я, хотя и знала, что пожалею об этом. - Пытаешься, терпишь неудачу, сдаёшься! Закручиваясь в маленький печальный круг, ты

был так поглощен своим несчастьем, что даже не заметил, что Эмма мне больше не подруга!

Мое сердце бешено колотилось, глаза горели, а желудок скручивало от каждого подавленного чувства, которое я пыталась сдержать. Мой язык продолжал двигаться, и я уже не была уверена, что хочу это останавливать. Папа выглядел так, словно я дала ему пощечину, но я не могла заставить себя обратить внимание.

- Ты не справляешься со своими проблемами! Как я могу доверить тебе чужие?!

- Потому что ты мне не сказала! - Папа взревел. - Ты ничего не сказала! Ты не сказала мне до Шкафчика, ты не сказала мне после, ты даже не сказала мне, что Эмма была одной из тех, кто это делал! Я не смогу помочь тебе, если ты не позволяешь, Тейлор! Я не могу помочь тебе справиться с этими вещами, если ты мне о них не говоришь!

- Потому что это ничего бы не изменило! - крикнула я в ответ. - Потому что я чуть не умерла в том чертовом шкафчике, и ничто из того, что ты сказал или сделал, после этого ничего не изменило! Потому что ты бы старался изо всех сил, делал всё, что в твоих силах, а когда потерпел неудачу, ты бы снова начал хандрить, как будто кто-то снова убил маму, как будто только потому, что ты потерпел неудачу, ты не заслуживаешь даже притворяться, что у тебя все еще есть дочь!

- Тейлор, - начал он.

- Ты провел так четыре гребаных года! - кричала я. - Четыре гребаных года, за которые ты едва сказал мне хоть слово! "Доброе утро". "Спокойной ночи". "Я вернусь домой поздно". Ты ни разу не сказал мне, что любишь меня со времен похорон!

Затем, безжалостно, подпитываемая огнем кипящим у меня в животе, я нанесла последний удар.

<http://tl.rulate.ru/book/85742/3157435>